

УДК 821.161.1.09+ 801.81

НИКОЛАЙ КАРАЗИН – ФОЛЬКЛОРИСТ

Э. Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

В статье дан старт к изучению творчества русского писателя конца XIX в. Н.Н. Каразина в аспекте фольклоризма. Этнографическая проза Каразина насыщена фольклористическими наблюдениями: это обряды, ритуалы, устные нарративы, песенный фольклор.

Ключевые слова: Николай Каразин, фольклор, Туркестанский край, инклюзивность.

Фольклор давно ушедших эпох, не зафиксированный собирателями, можно реанимировать как память об ушедшей культуре при исследовании художественных произведений. Так, пытливый слух и взгляд писателя XIX в., попавшего в чужие для него края, кропотливо описывает иную культуру, вербализуя ее в своих очерках, рассказах, романах. Речь идет о Николае Николаевиче Каразине (1842–1908), чье творчество богато не только этнографическими, но и фольклорными материалами Средней Азии.

Каразин – беллетрист. Расцвет русской беллетристики совпал с расцветом реализма, который «поставил во главу угла критерий жизненности, прямое слово о действительности, постигаемой во всех ее проявлениях, коренных и частных, устойчивых и преходящих...» [1, с. 22]. Критик журнала «Дело» (1874), разбирая особенность литературного таланта Каразина, пишет: «Он пользуется беллетристической формой... для того, чтобы разъяснить и комментировать сложившиеся в его уме картины местной жизни и нравов. <...> Картины окружающей действительности поражают его воображение, и он непосредственно переносит их... не на полотно, а на писчую бумагу, не внося в них ничего или почти ничего *своего*, лично ему принадлежащего» [8, с. 17].

Фольклоризм прозы Каразина – это не раскрас повествования устными шедеврами для придания «народности». Фольклорная составляющая его литературного творчества – именно этнографическая: Каразин тщательно собирает, помимо особенностей быта, облика, нравов и проч., устные нарративы, прецедентные тексты, песни, обряды. При этом в большинстве случаев, если запись сделана не им, дает ссылку на того, кто этот текст записал и перевел на русский язык. Таким образом, перед нами фрагменты полевой деятельности фольклориста. Опубликованные в структуре литературных произведений фольклорные тексты важны для самого автора – по его замыслу, они являются важнейшими элементами картины Туркестанского края.

Надо отметить профессионализм Каразина-фольклориста: он не просто сообщает услышанный или записанный текст, он учитывает такую важную черту бытования фольклорного текста, как инклюзивность (термин Б. Путилова), что озна-

чает включенность всей фольклорной культуры и каждого отдельного произведения в общую жизнедеятельность народа [9, с. 73]. Инклюзивность фольклора получила обоснование в концепции английского антрополога Б. Малиновского о функциональной теории культуры. Под функцией Малиновский понимает множество прагматических действий: «от простейшего акта еды до священного ритуала причастия...» [7, с. 133].

Этот аспект деятельности Каразина должен стать отдельной проблемой исследования. Цель данного сообщения – лишь обозначить научно-творческое, фольклористическое направление в каразинской прозе, которое в дальнейшем, надеюсь, найдет своего исследователя.

Вот неоднократно приводимая Каразиным поговорка, ее варианты: «Стать на хвост барантачам» [3, с. 104], «как выражаются» (комментирует Каразин) или «как говорится: мордюю в хвост» [4, с. 17] (барантаци – грабители; в русском языке XX в. слово трансформировалось в *басмачи*).

Тотемической силы фигура Тимура не раз упомянута Каразиным: «Современный туземец – бродячий кочевник или заезжий торгаш при караване – разинув рот, осматривает это гигантское сооружение и недоумевает: человеческими ли руками возведены эти просторные своды, эти арки, в которых, не нагибаясь, можно проехать на самом высоком верблюде, и, по простоте своей, относит все это ко времени и деятельности великого Тимура – личности, давно уже принявшей гигантский, сказочный образ. <...> ...Все они так давно строены, что никаких следов не сохранилось, который раньше строен, который позже: разницы в сотни лет слились в общем итоге, и вот слагается легенда, что “герой хромоногий” в одну ночь разбросал по безводным степям эти спасительные постройки» [3, с. 111]; «Легенда – давно забытая – говорила, что пещера эта служила святому отшельнику, пришедшему с далекого Юга, что отшельник этот великие чудеса творил, воскрешал мертвых, и сам Тимур однажды велел зарыть его в землю, распахать место погребения, посеять пшеницу, дожидаться зерна, убрать, смолоть и спечь хлеб, и тогда только разрыть могилу, так как *тот* обещал *сам* вкусить хлеба, на его могиле возвращенного. Так и произошло» [4, с. 92].

Каразин собрал многочисленные топонимические предания, одно из них: «...Небольшой кишлак “Урус” [русский. – Э.Ш.]. В деревне этой не было ничего, что бы хотя сколько-нибудь оправдывало ее название. <...> Обитатели этого кишлака были кровные узбеки, – по крайней мере, в настоящее время, – и положительно нельзя было встретить ни одного лица, которое, хотя бы одной чертою, напоминало бы русский тип. Лет триста тому назад, говорит предание, в бухарском ханстве находилось много русских беглых; они просили, чтобы им отвели какое-нибудь место для поселения. Просьба эта была выполнена, но только под одним условием – принятия мусульманства.

Таким образом, в Заравшанской долине поселилось несколько десятков русских ренегатов; обзавелись они новыми семьями и зажили, по крайней мере, сначала, довольно хорошо, что называется, припеваючи» [6, с. 106–107]. По прошествии ряда лет стали в округе этой русской деревни случаться грабежи и убийства. Со стороны местных жителей пошли недовольства. Молва гласила, что русские опять стали молиться своему богу, выбрав себе «муллу-попа». Власти начали преследовать былых беглых русских. А тут один из походов бухарского эмира завершился неудачей – поражение приписали молитвам неверных, которых в отместку всех до единого вырезали. Но название кишлака сохранилось – «Урус».

Еще одно топонимическое предание – большой, в четыре страницы, текст [5, с. 396–399] о том, как пришла беда на каракалпакский народ от злых туркменов: каракалпаки жили водой, тем, что в ней водилось. А тут Аллах разгневался на них неизвестно за что. Забросят сети – то змеи в них, то жабы, то волосатые черви. Поняли каракалпаки, что конец их пришел. Повесили камни на шею и топиться. Но тут пришел Он, в лучах солнца и сказал: идите, ваши сети лопаются от рыбы. И правда, улов был велик. То же и на следующий день. Когда опять явился Он, сказал: я прощу вас, если выполните то, что написано на камне, и исчез. Откуда ни возьмись появился огромный камень. Позвали муллу грамотного, прочитал: «Зовут меня Токмак; отсюда на запад, на выходе к морю, на голом острове лежат на песке мои кости непогребенные. И с острова того не хотят уходить они, и под камень этот просятся» [5, с. 398–399]. Отыскали каракалпаки тот остров, с огромным трудом перевезли туда камень – похоронили святого. С тех тот остров Токмак-Ата зовется (отец Токмак).

Придя на тамашу (вечер развлечений), русские гости услышали исполнение песни: «Мотив песни был скучный и однообразный; вся песня состояла из коротких, отрывочных куплетов, между которыми певица вставляла иногда свои личные замечания. Она пела:

В большом курятнике жил петух со своими курами.

Петух был один, а кур у него было двадцать. <...>

[Пропуски в тексте песни на месте угловых скобок – это не пропуск строчек песни, а опущенные комментарии исполнительницы. – Э.Ш.]

Петуху было хорошо; он большего и не желал,

Куры же его думали иначе.

Петуху было весело. Он сидел посреди двора и только крыльями хлопал.

Куры скучали, ходили, повеся головы,

И все норовили подойти поближе к краю стены...

Им хотелось видеть, что делается на улице.

Смотрят, бежит мимо красная курица;

Она бежит, так посередине улицы и несется... <...>

– Стой, красная курица, ты куда и откуда? – спрашивают ее петуховы куры.

– Бегу я туда, куда хочу, и оттуда, откуда хочу. Я птица вольная, не то, что вы, несчастные, – Отвечает им красная курица, а сама остановилась на минуту... <...>

– Нам бы тоже хотелось побегать по улице... вот так, как ты, да своего петуха боимся.

– Дуры, – говорит им вольная курица, – оттого и боитесь!..

Сидите вы, глупые, взаперти и не знаете ничего, что на свете есть нового...

– Расскажи нам, коли ты знаешь, а мы будем слушать.

– Жил на свете большой коршун, все петухам сродни.

Сильнее его не было птицы, и делал он, что хотел.

Все его боялись и слушались, и по его приказу все делалось.

Петухам от того было хорошо, курам плохо...

Подуло ветром с зимней стороны, и принес этот ветер другого коршуна,

Гораздо посильнее и больше, чем первый.

Обломал он тому оба крыла, оборвал когти на лапах,

Согнал его с наместка, а сам сел на его место...

И велел он оповестить всем курам, что никто теперь над ними не властен.

Хочешь сидеть в курятнике – сиди, не хочешь – бегай по улице.

Кто слышал это, тот обрадовался, побежал,
Кто не слышал, тот и до сей поры, вот как вы, только из-за стенок глазееет.
– Ладно, – смекнули петуховы куры и стали переговариваться да на своего петуха поглядывать;

А тот спит себе в тени и ничего не слышит. <...>

Проснулся петух, гаркнул на весь двор, кур своих скликает,

А уже их и след замело ветром. Всех за собою сманила красная курица» [6, с. 137–138].

Текст песни Каразин сопровождает паспортными данными: «Подстрочный, буквальный перевод, записанный доктором Авдеевым» [6, с. 137]. Песня записана в Каттакургане.

Иносказательность песни легко прочитывается контекстом ее исполнения: слушатели пришли в туземный бордель, нарядные и красивые девушки ублажают гостей пением. В песне аллегорически сообщается о смене «парадигмы» – с патриархальной на эмансипированную, все это случилось с приходом в край русских. Самой исполнительнице такое положение вещей по нраву.

Каразинский рассказчик из романа «Наль» описывает всенародный праздник в одном из городов Туркестанского края – это был день святого Ишан-Дауда. В тутовой роще, что недалеко от могилы святого и мечети, собирается народ со всех ближайших округ. Именно здесь во время праздника – тамашы – Каразин только успеваешь наблюдать, фиксировать, запоминать все, что имеет отношение к культуре края. Перед нами – концентрация всех народных забав и развлечений: «Здесь и труппы батчей-плясунов, и “машкара-базов” (актеров), дающих под открытым небом свои циничные представления, здесь и чайхане, и походные кухни со всякими сластями, и укромные лавочки продавцов “бузы”, которую можно упиться до полного опьянения, и тайные притоны с неизбежными опиумом, ганашою и кукнаром, с доведенными до полного истощения, тенеподобными посетителями-курильщиками. Здесь и приюты для игры в кости и орлянку, где расчет частенько доходит до ножей и крови, и удалые скачки, и другие конные ристалища... В священной роще Ишан-Дауда в этот день можно было наслушаться сказок и песен бродячих поэтов-сказочников и священных проповедей фанатиков-дивона, одним словом, здесь собирается все, что только может соблазнить азиата; и не попасть в этот день сюда было бы громадным лишением для каждого правоверного. Целью поездки наших офицеров также было желание посмотреть и послушать все, что творится в этом интересном пункте» [4, с. 18].

Каразин записал похоронный обряд кочевников: «Еще издали слышали мы какой-то заунывный гул, чрезвычайно похожий на наше причитание; когда мы приблизились, то ясно могли различить женский плач и всхлипывание, шумный говор мужчин и однообразное, точно дьячковское чтение. Мы попали на похороны, обряд которых начался часа за два до нашего прибытия и был нами прерван, впрочем, ненадолго. <...> Оправившись и приведя в порядок свой костюм, я пошел тоже отдать дань покойнику, а главное, посмотреть, что там такое делается. <...> Страшная духота, несмотря на откинутый верх, наполняла эту горницу; женщины, молодые и старые, некоторые очень красивые, окружали покойника и жалобно причитали что-то непонятное; по временам они затихали и потом вдруг, как будто по сигналу, взвизгивали всем хором, ударяя в грудь руками и раскачиваясь всем туловищем. <...> Между женщинами теснились ребятишки, толкаясь и ссорясь между собою, а около стенок чинно сидели мужчины, передавали из рук в руки сделанный из тык-

вы-горлянки и крашенный медью кальян и громко разговаривали о разных, как видно, посторонних предметах. <...> У ног покойника, на низеньком табурете, стояла большая деревянная миска, до краев наполненная вареным рисом, и другая, глиняная, с кислым молоком. То тот, то другой из присутствовавших подходили к этим блюдам и, забрав горстью рису, отходили на свои места, жуя и облизываясь. Мне это напомнило нашу похоронную кутью – недоставало только блинов и восковых свечей.

Через час покойного вынесли, положили на дворе на пучки камыша и приставили двух караульных с палками, дабы собака не оскорбила, во время всеобщего сна, памяти умершего» [2, с. 81–83].

Этот и ряд других фрагментов доносят до читателя важную информацию о самом повествователе, который максимально нацелен на то, чтобы все увидеть и описать; это не праздное любопытство – это профессиональная заинтересованность этнографа, который, невзирая на неэстетичные, неприятные ему детали, тем не менее, доводит свою работу до конца.

В следующем фрагменте воспроизведен образ народного исполнителя, поэта-импровизатора: «Старик был слеп... <...> Старик медленно опустился на подостланную под него баранью шкуру, взял длинную балалайку и начал перебирать струны своими костлявыми пальцами.

Все присутствующие с почтением относились к старику; молчание воцарилось повсюду, только слышалось тихое дребезжание струн и глухой шелест сдвигающейся плотнее толпы.

Это был известный по всему кочевому миру певец-импровизатор Гассан, о котором я слышал много еще прежде и которого, наконец, удалось мне видеть вблизи и слушать его импровизации.

Я жадно слушал этого степного Гомера и старался вникнуть в содержание и смысл его песни; и как я жалел, что не настолько знал этот язык, чтобы построочно записать все слышанное.

Он пел об известном агитаторе тридцатых годов [1830-х. – Э.Ш.] – Кенисаре [Кенесары Касымов – глава национально-освободительного движения казахов против русской экспансии. В 1841 г. сдался русским властям и был амнистирован (см.: [10, с. 54–57]). – Э.Ш.]; о его войнах с русскими, о его бегстве; о его несчастной любви, об измене его друзей и, наконец, о его геройской смерти...

Аблай-бий шепнул мне: “Он сам был все время с Кенисарой, и тогда уже он был седой старик”.

А слушатели молча стояли и сидели вокруг, покачивая головами в такт пения, и не один тяжелый вздох вылетал из груди, сливаясь с однообразным напевом старца. <...> Грамотности нет и в помине [Каразин рассуждает о слушателях. – Э.Ш.], и потому, если случайно встретится личность, могущая с трудом разобрать только заголовки из первой страницы Корана, то ее считают ученейшей из ученейших мира сего. Зато способность к сохранению преданий развита до необыкновенной степени; легенды и факты, относящиеся чуть ли не к временам Тамерлана, передаются с необыкновенной точностью, точно события, свершившиеся не более десяти лет тому назад. А живыми хранителями и распространителями преданий служат такие же странствующие певцы-импровизаторы, как Гассан, который пил кумыс в кибитке Аблая-бия после своих вдохновенных импровизаций» [2, с. 94–97]. В этом фрагменте из очерка Каразина представлена объемная картина *бытования фольклора кочевников*.

Наиболее часто фиксируемый фольклорный жанр в прозе Каразина – это проповедь дервиша. Дервиш воспринимался чужой культурой (пришлыми русскими) как шпион и фанатик, отсюда те комментарии, негативные, которыми Каразин сопровождает записанные им тексты (например, см.: [4, с. 46]). Однако этот аспект требует отдельного освещения, не вмещающегося в данное сообщение.

Список литературы

1. Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М. : Рос. откр. ун-т, 1991. 90 с.
2. Каразин Н.Н. Из Центральной Азии: Очерк первый // Дело. 1872. № 1. С. 63–103.
3. Каразин Н.Н. На далеких окраинах: Роман // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 1. 272 с.
4. Каразин Н.Н. Наль: Роман // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 5. 224 с.
5. Каразин Н.Н. С севера на юг : Роман // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 7–8. 520 с.
6. Каразин Н.Н. Тьма непроглядная : Повести и рассказы // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб. : Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 6. 247 с.
7. Малиновский Б. Научная теория культуры. М. : ОГИ, 2005. 184 с.
8. Никитин П. Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н.Н. Каразина. Иллюстрированное издание) // Дело. 1874. № 11. Современное обозрение. С. 1–20.
9. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In *memoriam*. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
10. Центральная Азия в составе Российской империи. М. : НЛЮ, 2008. 464 с.

NIKOLAI KARAZIN AS A FOLKLORIST

E. F. Shafranskaya

Moscow city pedagogical University
the department of Russian literature

In the article we started the exploration of the N. Karazin's art – the Russian writer's of the late nineteenth century – in the aspect of folklorism. Karazin's ethnographic prose is full of folklore observations: rites, rituals, verbal narratives, song folklore.

Key words: *Nikolay Karazin, folklore, Turkestan, inclusivity.*

Об авторе:

ШАФРАНСКАЯ Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4), e-mail: shafranskayaef@mail.ru.

